

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rin@petsu.ru

ЕДИНОВЕРИЕ В РЕЛИГИОЗНОМ ЛАНДШАФТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Цель данной статьи – исследование истории единоверческих приходов Европейского Севера России. Данный пример впервые позволил выявить региональную специфику единоверия как религиозно-исторического явления, проследить его эволюцию под прессингом церковно-государственной политики и тенденций внутреннего развития. Методологическое акцентирование работы в проблемном поле религиозного ландшафта объясняет специфику выбора источников. Документы Олонецкой духовной консистории по единоверческим приходам вводятся в научный оборот впервые. Использование опубликованного и неопубликованного массива документов позволяет реконструировать религиозный ландшафт Европейского Севера России с учетом исторического опыта единоверческих общин. Объектная идентификация религиозных групп осуществлена на основе 38 культовых построек Севера России. Автор выявил два доминантных периода единоверческого храмостроительства в регионе – эпоху либеральных реформ императора Александра II, отразившую реализацию миссионерского антистарообрядческого проекта Синодальной церкви, и рубеж XIX–XX веков как проявление инициативы самих верующих. Делается вывод, что большинство единоверческих церквей региона относилось к категории сельских, однопрестольных, деревянных, имевших колокольню и приходскую школу. Анализ персоналий приходских лидеров позволил признать, что первое поколение единоверческих священнослужителей – местные крестьяне, знатоки древнерусских традиций богослужения и духовного наставничества. Усилиями прихожан единоверческих церквей были сохранены объекты сакрального наследия старообрядческих скитов и молелен Европейского Севера России. Автор приходит к выводу, что сдерживающими факторами к масштабному распространению единоверия в регионе были не только внешние события XX века, но и специфика самих старообрядческих групп, в которых преобладали не приемлющие священства согласия. Дальнейшее изучение истории старообрядных приходов Православной церкви видится особенно актуальным с учетом возрождения единоверия, активизации религиозного туризма и паломнических практик в современной России.

Ключевые слова: единоверие, единоверческий приход, старообрядчество, Европейский Север России

Современное состояние конфессионального пространства России отличается большим многообразием и социокультурной мобильностью. Среди всего комплекса причин этих процессов нельзя не отметить специфики региональных условий, в которых формируются и развиваются религиозные сообщества. В этой связи изучение конфессиональных явлений диктует необходимость применения комплексного подхода в информационно-аналитической и прогностической деятельности. Вариативными формами реализации исследований такого рода являются концепты «историко-культурный ландшафт»¹ [5], «религиозный ландшафт» [1], [13], «сакральная география» [2]. Каждый из подходов имеет свой ресурс в изучении средовых, культовых, темпоральных, антропогенных и социальных характеристик религиозных явлений.

При реконструкции истории старообрядных (единоверческих) приходов Русской православной церкви² большой потенциал имеет методика «религиозного ландшафта», предложенная про-

фессором Е. М. Главацкой. В комплексе данных по исторической географии единоверческих храмов, межрегиональных контактов приходов и эволюции общин можно увидеть единоверие как комплексное явление, как историко-культурный и этноконфессиональный феномен. Важность общественно-научных инициатив подобного рода подтверждает тот факт, что на территории современной России единоверие активно возрождается, формируя религиозный ландшафт окружающего мира новыми храмами.

Исследовательский интерес к истории единоверческих приходов на территории России стал отражением означенных явлений. Так, за последние годы в исторической науке выделилось несколько приоритетных подходов к изучению единоверия. Очень активно развивается регионалистика единоверия (С. Н. Абакумов, В. И. Байдин, Е. В. Дроботушенко, Д. С. Ермакова, В. Н. Ильин, Р. Н. Лункин, А. В. Мангиева, С. С. Михайлов, И. В. Починская, Т. С. Романюк, А. С. Ряжев, Л. Н. Суслова). Не менее

важным направлением историографии является исследование персоналий лидеров единоверия (Н. П. Зими́на, В. А. Ичкерин, Р. К. Колесников, Р. А. Майоров). Проблема эволюции взаимоотношений единоверческих общин с РПЦ вызывает интерес зарубежных ученых [18], [19], [20], а также современных деятелей православия [7], [8], [10], [14]. Значительным событием в историографии стало появление обобщающих работ, систематизирующих современные представления о единоверии [6], [9]. Однако нельзя не признать, что при всех достоинствах указанных работ история единоверческих приходов в регионе Европейского Севера России в них не отражена. Отдельные аспекты темы имеются в трудах, посвященных региональной истории старообрядчества [4], [11], [12], [16], [17]. Таким образом, целью данного исследования является изучение истории единоверия в масштабе религиозного ландшафта Европейского Севера России. Реализация поставленной цели видится через разрешение комплекса задач: выявление географии единоверческих приходов, динамики храмостроительства, анализ специфики общин в региональном контексте, оценка особенностей формирования и деятельности единоверческого причта. Географические рамки исследования определяются границами Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний в преамбуле советского и постсоветского районирования. Хронологические рамки работы соотносятся с периодом существования единоверческих храмов как центров приходской жизни общины означенного региона. Применение историко-сравнительного, проблемно-хронологического и статистического методов исследования позволяет воссоздать картину изучаемого явления в комплексе определяющих факторов.

Акцентирование работы в проблемное поле религиозного ландшафта объясняет специфику выбора источникового массива. Его основу составили опубликованные источники историко-статистического характера (данные из «Памятных книжек» губерний, «Памятных книг» епархий, «Краткие исторические описания приходов и церквей» региона, материалы «Епархиальных ведомостей»³). Помимо этого использовалась делопроизводственная документация приходов, отчетные материалы миссионеров, клира, формулярные ведомости, описи единоверческих церквей, отложившиеся в архивных фондах⁴. Большая часть из них вводится в научный оборот впервые. Особую группу источников составило эпистолярное наследие – письма архиепископа Аркадия (Федорова). Указанный комплекс источников информативен, сопоставим для сравнения, позволяет реконструировать историю единоверия в его региональной специфике.

В связи с восстановлением приходской жизни единоверческих общин в современных границах

Европейского Севера (Усть-Цильма, Павлово-на-Неве, Санкт-Петербург) исследования подобной тематики представляются весьма актуальными. Активизация религиозного туризма⁵ и паломнических практик в регионе⁶ вносит в работу практический компонент.

Информационный массив⁷, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет выявить наличие 38 единоверческих церквей в исторической ретроспективе религиозного ландшафта Европейского Севера России. Их локализацию внутри региона можно представить следующим образом:

Архангельская губерния

Предтеческая (остров Лепо), Зосимо-Савватиевская (Кемь), Преображенская (Подужемье), Никольская (Усть-Цильма), Никольская (Кудьма);

Новгородская губерния

Никольская (Никола), Никольская (Глухая Горюшка), Покровская (Виджа), Феодоровская (Соловьево), Успенская (Нароново), Казанская (Антипино), Георгиевская (Крутец), Троицкая (Ям Крестцы), Тихвинская-Пантелеимоновская (Тихвин);

Вологодская губерния

Петропавловская (Подчерье), Никольская (Домшино), Казанская (Покча);

Олонецкая губерния

Покровская (Повенец), Троицкая (Семчезеро-Кумчезеро), Вознесенская (Паяницы), Зосимо-Савватиевская (Сяргозеро), Преображенская (Ежезеро), Богословская (Волосово-Трофимовская), Никольская (Троицкое-Семеновская), Никольская (Преслениха);

Санкт-Петербургская губерния

Сретенская (Петербург), Никольская-Миловская (Петербург), Благовещенская (Петербург), Дмитриевская (Петербург), Покровская (Петербург), Никольская (Петербург), Мариинская (Петербург), Алексиевская (Петербург), Никольская (Немятово), Никольская (Кубасово), Петропавловская (Петропавловское), Георгиевская (Болоцкое), Дмитриевская (Бор).

Первичный анализ информационного ресурса свидетельствует о доминировании посвящения храмов святителю Николаю Чудотворцу, что достаточно традиционно для сакральных объектов в религиозном ландшафте Европейского Севера. В городской среде была значительная доля каменных построек культового значения. Наиболее распространенным примером сельского храма единоверческих общин Севера была однопрестольная деревянная церковь (четверик), обшитая тесом под двускатной крышей, венчавшейся восьмиконечным крестом. Организация пространства таких храмов решалась традиционно – в единстве Земного и Небесного. Эстетика и святость мира, сотворенного Богом, подчеркивалась выбором места для Церкви как Божьего

дома (высокий берег реки, озера). Объектное пространство внешнего комплекса построек включало колокольню, а в ряде случаев – некрополь (Волковский и Большоохтинский в Петербурге, Единоверческий-Пантелеимоновский в Тихвине, Георгиевский в Болотском). Архитектурные особенности при воплощении единоверческих церквей Европейского Севера России объяснялись во многом местоположением постройки в местном ландшафте. Ряд храмов являлся сакральным объектом еще до того, как получил статус единоверческого. В этом случае он перестраивался для нужд религиозной общины из «намоленного» места – молитвенного дома, издавна почитаемого старообрядцами, например часовни. Примерами такого «преемства» стали единоверческие церкви в Немайтово, Кудае, Домшино, Тихвине. Помимо естественного обветшания зданий, доминантным фактором к «поправке» культовых построек служили разрушительные пожары. Так было в истории единоверческих храмов в Крестцах, Тихвине, Домшино. Сакрализация внутреннего пространства церквей усиливалась его наполнением антиминсами, употребляемыми в богослужении до трагических событий церковного раскола. Среди икон, богослужебных книг и утвари единоверческих храмов Европейского Севера России нашли спасение многие святыни из разоренных старообрядческих скитов (Выгорецкий, Великопоженский, Чаженгский⁸) [4: 16–18], [11: 235]. Часть икон знаменитой моленной вытегорских купцов-старообрядцев Шалапановых была сохранена в сакральном пространстве единоверческой церкви села Ежезеро⁹.

Большим разнообразием отличались единоверческие храмы Санкт-Петербурга. Это были творения выдающихся зодчих, таких как В. И. Беретти, К. И. Брандт, А. А. Мельников, И. В. Штром. Ряд проектов петербургских архитекторов нашли воплощение в сельском ландшафте Севера. Примером этого стали здания единоверческих церквей села Бор (архитектор К. Г. Резцов) и села Немайтово (архитектор М. А. Шурупов). Однако в целом архитектура единоверческих храмов Европейского Севера России была достаточно традиционна, соотносима с приоритетами храмостроения региона или стандартами «образцовых проектов»¹⁰. Среди сохранившихся примеров такого рода можно упомянуть Богословскую церковь Волосовского единоверческого прихода¹¹.

В большинстве своем региональные центры единоверия были соотносимы с границами крупных старообрядческих локусов. Особенно заметно это было в Старорусском, Крестецком, Череповецком, Кемском, Повенецком уездах, Приильменском и Усть-Цилемском ареалах, в селениях при реках Волхов, Онега, Печора, Тихвинка, Чагода. В ряде случаев локусы примыкали к крупным инорегиональным центрам единове-

рия, таким как Солецкий (Псковская губерния), Чердынский (Пермский край), Пошехонский (Ярославская губерния). Благодаря статистическим экспедициям чиновников Министерства внутренних дел (Ю. К. Арсеньев, П. И. Мельников-Печерский), к середине XIX века власти владели более точной информацией о масштабах распространения староверия во многих территориях, в том числе в Новгородском крае.

В принятии единоверия как варианта адаптации старообрядцев к условиям «гонений» большую роль играл экономический фактор – наличие прочных торговых контактов между общинами. Особенно заметно это было в координирующей роли Петербурга, имевшего корпоративные и конфессиональные связи с единоверческими общинами Тихвина, Домшино, Крестцов, Подужемья. Первый опыт знакомства с единоверием многие жители северных территорий России получили от посещения единоверческих храмов северной столицы: «...был в Петербурге, побывал в единоверческом храме за праздничным богослужением и был очарован любезною его сердцу стариною»¹². Судя по документам, старообрядцы Олонецкого края сблизилась с единоверием также через общины Петербурга. Еще до того, как в Олонецкой губернии появились единоверческие приходы, жители Повенецкого, Пудожского и особенно Петрозаводского уездов регулярно «были у исповеди и Святого причастия в Никольской церкви Петербурга; позднее при их содействии был открыт единоверческий приход в Семчезеро»¹³. Единоверческие священники Петербурга освящали многие храмы Севера, например Георгиевскую церковь села Болотское, а в храмах Петербурга служили выходцы из Новгородской и Олонецкой епархий. В числе депутатов I Всероссийского собора православных старообрядцев, проходившего в Петербурге, были представители крупнейших центров единоверия на Севере России – священники Афанасий Мартынов, Владимир Боголюбов, Сергей Миловидов, а также миряне¹⁴.

Анализируя топографию единоверия на Европейском Севере России, нельзя не отметить, что появление общин шло волнообразно. В условиях влияния государственно-церковной политики по «искоренению раскола» для представителей торгового-промышленных групп единоверие становилось вынужденной мерой, дававшей возможность легализации правового статуса. Оказывая давление и откровенные репрессии по отношению к лидерам старообрядческих общин, власти склоняли верующих к принятию единоверия [11: 234–235]. Такие примеры можно проследить в истории единоверческих приходов Усть-Цильмы и Крестцов.

Специфичность единоверия в ландшафте Европейского Севера России проявилась еще и в том, что половина единоверческих храмов появ-

вилась уже после прекращения масштабных преследований старообрядцев, в эпоху императора Александра II. В центрах единоверия той эпохи (Екатеринбург, Москва, Казань) начался процесс активного поиска конфессиональной идентичности [9: 236–265]. Развитие единоверия на Севере было во многом результатом миссионерской деятельности синодальной церкви. Яркий пример таких инициатив – труды митрополита Исидора (Никольского) и архиепископа Аркадия (Федорова). Так, например, деятельность архиепископа Аркадия по использованию единоверия в деле «уврачевания раскола» была успешно апробирована еще в Пермском крае. Но воссоединять старообрядцев с Церковью через единоверие следовало, по его мнению, «с осторожностью, с благоразумием, любовью, заботливой наблюдательностью, выбросив из головы все полицейские меры»¹⁵. Убежденный, что «единоверческой церкви без прихожан строить не для чего»¹⁶, архиепископ Аркадий старался использовать даже самое малое «побуждение» жителей к принятию единоверия. При строительстве храмов владыка активно привлекал разные источники финансирования: средства Синода, помощь местных и инорегиональных благотворителей. Чаще всего «жертвователями» становились известные представители купечества – И. И. Касьянов, А. В. Красильников, И. А. Насонова, Е. В. Терентьев, М. П. Пименов. Так, например, приход Усть-Цилемской Никольской церкви получил значительную финансовую поддержку от чердынских купцов Алиных, чей торговый дом был «поставщиком Двора Его Императорского Величества».

Единоверческие приходы региона находились на территории обширного пространства с деревнями, разбросанными друг от друга на десятки верст. Природный ландшафт приходов (озера, болота, реки) создавал существенные препятствия для регулярного посещения священниками единоверческих общин. Национальный состав целого ряда территорий (Карелия, Коми) отличала полиэтничность, создающая, помимо прочего, языковой барьер для миссионерской проповеди. При этом круг обязанностей единоверческого причта в окружении старообрядческих сообществ был очень большим. Помимо длительного уставного богослужения древнерусским чином, это было попечение о школьном деле в приходе, миссионерские беседы, постоянные «разъезды» по делам треб. Давние традиции радикальных старообрядческих толков в регионе («федосеевцы», «скрытники», «нетовцы») накладывали отпечаток на специфику религиозности местного населения, при которой «помянуть умерших в храме на проскомидии, служить панихиду и литию не принято»¹⁷. Источники свидетельствуют, что при формировании причта единоверческих приходов власти старались учитывать мнение самих жителей. Поэтому представители первого

поколения священников в таких приходах на Европейском Севере были в большинстве своем выходцы из крестьян, «обратившиеся из раскола на правах единоверия» и знавшие старообрядческие традиции уставного богослужения. Так на Севере России появились целая плеяда единоверческих священников – Василий Бузин, Димитрий Кошев, Иоанн Малышев, Петр Марков, Иосиф Шамаков, Иоанн Чупров. Так, например, еще до принятия сана Иосиф Шамаков «управлял клиросом в Топозерском скиту, отлично знал богослужение, устав и пение по крюкам»¹⁸. Из крестьян был и священник Никита Маклюнов¹⁹, давший начало целой династии священнослужителей, трудившихся в единоверческих приходах Европейского Севера России. По мнению владыки Аркадия, отец Никита отличался всем необходимым для единоверческого священника.

Ему не нужно учиться у кого-либо ни читать, ни петь по крюкам, ни священнодействовать; он трудолюбив, терпелив, воздержан, чист, не двоязычен, не сквернослов, имеет таинство веры в чистой совести²⁰.

Выходцам из духовного сословия в единоверческих приходах приходилось не менее сложно, поскольку необходимо было постигать не только специфику древнерусского богослужения, но и особенности мировоззрения своей паствы. Всеобщее уважение снискали многолетние труды в единоверческих приходах Севера России таких священников, как Иоанн Богословский, Павел Ильинский, Николай Линдозерский, Сергей Миловидов, Александр Соболев, Петр Челмогорский, Георгий Фортунатов. Неслучайно подвижническую деятельность многих из них сравнивали со «свечой в темной комнате, которая горит и светит, вызывая уважение раскольников»²¹.

В распространении единоверия на территории региона не менее важная роль отводилась школьному делу.²² Первые опыты в реализации данной деятельности наталкивались на целый комплекс проблем: большие расстояния, которые приходилось преодолевать детям с риском для жизни в условиях ландшафта и климата Севера, нехватку теплой одежды, обуви и еды, отсутствие специального помещения для школы. У представителей старшего поколения местных жителей при этом отмечалось явное «несочувствие» к светскому характеру образования, вызывала нарекание «непригодность» учебников со «сказочками и песенками». Гораздо больше приветствовались факты чтения детьми старопечатных книг, а также помощь причту в пении на клиросе²³.

Обобщая первый опыт распространения единоверия на Европейском Севере России, священники отмечали трудности объективного и субъективного характера. При этом «упорство» старообрядцев

можно извинить, ведь тяжелее всего для человека расставаться с религиозными убеждениями, которые прививались в душе его с ранней молодости и окрепли в продолжение целых десятков лет²⁴.

Несмотря на отсутствие массового «сочувствия» единоверию среди старообрядцев Севера, миссионеры были убеждены в том, что «это единственный донныне и самый верный способ единения заблудших с Церковью»²⁵.

Рубеж XIX–XX веков был очень важным периодом в общероссийской и региональной истории единоверия [15]. Казанский собор епископов 1885 года провозгласил «тождество Единоверия с Православием»²⁶. Однако диалог, наметившийся между государством и единоверческими общинами во второй половине XIX века, не реализовался отменой клятв на старые обряды и обретением единоверческого епископата. Это «стеснение» вызвало разочарование многих верующих.

Юбилей 100-летнего существования единоверия в России стал поводом к осмыслению его «исторических судеб»²⁷. На этом фоне Указ императора 17 апреля 1905 года «Об укреплении основ веротерпимости» усилил надежду на дарование старообрядным приходам РПЦ желаемых прав, на «равночестное употреблению на практике того и другого обряда, смотря по желанию верующих»²⁸.

Религиозный ландшафт Европейского Севера России стал отражением этих процессов. На рубеже XIX–XX веков новые храмы и единоверческие общины появились в Новолодожском уезде (Бор), в Поморье (Подужемье), на северо-востоке страны (Подчерье, Покча). Особенно заметно это явление коснулось территории Новгородского края. Свидетельством динамичных процессов по расширению религиозного ландшафта в данном регионе стали сообщества православных старообрядцев в селах Виджа, Соловьево, Нароново²⁹. По данным официальной статистики, из всех представителей Европейского Севера России, принявших единоверие в 1900 году, жители Новгородского края составили 92,45 %³⁰. Поскольку большинство храмов этого времени создавалось уже «тщанием» самих прихожан, то возникает закономерный вопрос о причинах изменения такой мотивации выбора. На наш взгляд, значительную роль в этом имел проповеднический авторитет православного миссионера, иеромонаха Варсонофия (Лебедева). Отличное знание старопечатных книг, бережное уважение к уставному богослужению позволили ему вести убедительные дискуссии среди наставников и рядовых старообрядцев. Его организаторский талант и пастырский авторитет способствовали появлению единоверческих храмов, миссионерских курсов, участию в работе первых всероссийских старообрядческих съездов³¹. В 1918 году Варсонофий, тогда уже епископ Кирилловский, стал в числе

первых жертв богоборчества, приняв мученическую кончину³².

Многие миссионеры, трудившиеся среди старообрядцев, отмечали позитивную роль единоверия: «Прежде раскол был силен, в настоящее время мало заметен»³³. Но, посещая приходы, миссионеры замечали проявление признаков «оскудения веры в народе», «упадок живой религиозной жизни в различных слоях общества»³⁴. Однако при наступлении каких-либо чрезвычайных обстоятельств (природные катаклизмы, болезни и т. п.) люди снова обращались к Богу, являя примеры массового раскаяния. Так, например, летом 1903 года Домшинскую волость, славившуюся по России высокопородистым животноводством, постигла эпидемия «сибирской язвы» у скота. Экономическая стабильность большинства семей оказалась под угрозой. После гибели случайно заразившихся от животных односельчан у жителей началась настоящая паника. Вологодский епархиальный миссионер Аполлинарий Заплатин был свидетелем этих событий.

По случаю бедствия народ с быстротой потока устремился в храм, где священник домшинской единоверческой церкви Александр Соболев призвал усерднее помолиться Господу Богу об избавлении от праведного гнева, моровой язвы и безропотно переносить наказание Божие, посланное за наши грехи³⁵.

Примечательно, что общая трагедия стала не только фактором возрождения религиозности, но и мощным объединительным началом, нивелируя конфессиональные разногласия. Перед лицом всеобщей беды в крестных ходах и молебнах участвовали все группы верующих: православные, единоверцы, старообрядцы.

Анализируя опыт миссионерской деятельности в религиозном ландшафте Европейского Севера России, большинство священников искренно верили в необходимость подобной миссии.

Я учу темное зырянское население истинам христианского вероучения и нравоучения, – писал о. Степан Ключков, – я веду полемику со старообрядцами, оберегаю православное население от разных заблуждений, располагаю старообрядческое население к школе, веду беседы о повиновении власти и закону, о пьянстве народном, о медицине, агрономии, о сбережении лесов. О чем только не приходится говорить миссионеру в захолустных уголках нашего севера... Я верю в свое дело, верю, что не напрасно расходуя свои силы³⁶.

Самую существенную трансформацию религиозный ландшафт Европейского Севера России претерпел в 1920–1940-е годы. Этому предшествовало важнейшее событие, к которому стремились православные старообрядцы на протяжении многих лет. Летом 1918 года патриарх Тихон (Беллавин) совершил епископскую хиротонию архимандрита Симеона Шлеёва, а старообрядные приходы РПЦ получили свой епископат [3]. В сложившихся обстоятельствах попытка консолидации силами III Всероссийского съезда

единоверцев и «Деяние» Временного патриаршего Священного синода, признавшего равноспасительность старого обряда, уже не могли противостоять разрушению приходской жизни. К этому привел целый комплекс факторов: антирелигиозные акции против священнослужителей и мирян, неприятие компромиссов «обновленчества», массовые закрытия храмов, миграционные процессы, реализация индустриально-аграрных проектов советской власти, включение региона в зону боевых действий Великой Отечественной войны. Старообрядные приходы Севера России оказались в условиях, разрушающих экономическую стабильность общин, традиционные формы бытового уклада, прочность социальных связей и легальную возможность вероисповедания. Однако во внутренней структуре религиозного ландшафта Европейского Севера России это происходило постепенно, имело внутрорегиональные и темпоральные особенности. Большинство единоверческих церквей Ленинграда были закрыты и снесены к началу 1930-х годов. Сохранилось лишь здание Никольского храма на улице Марата, но оно подверглось полной десакрализации. 8 января 1937 года его двери были открыты в качестве Музея Арктики. К 1930 году был закрыт старообрядческий некрополь в Тихвине, а чуть позже разобрана ее сакральная доминанта – Пантелеимоновская церковь. В ландшафте сельской местности Европейского Севера единоверие оказалось более устойчивым. Свидетельством данного обстоятельства является то, что большинство сельских единоверческих церквей на Севере действовало дольше городских храмов. Основная часть из них была закрыта в 1930-е годы. При этом десакрализация объектов не привела к полному разрушению религиозных зданий, поскольку большинство их продолжало использоваться «в народно-хозяйственных целях» (клуб, склад и т. п.). В условиях оккупационного режима 1941–1943 годов действовала Никольская церковь села Кубасово в Ленинградской области. Репрессии против духовенства активизировали богослужебную практику «мирского чина». Закрытие храмов возродило в среде верующих значение домашних моленных. В условиях такого агрессивного воздействия внешней среды многие единоверцы переосмыслили ситуацию с точки зрения апокалиптических предзнаменований наступления «последних времен». Следствием такой парадигмы стало возвращение к традиционным практикам «таиться и бегать», спасая веру.

Деформация историко-культурного ландшафта Европейского Севера России в послевоенный период оказала не менее разрушительное воздействие на сакральные объекты единоверия. На дне Подужемского водохранилища осталась Преображенская церковь. В 1970–1980-х годах сгорели храмы в Ежемозере на Вологодчине и Болотском в Новгородской области. В полуразру-

шенном состоянии до наших дней дошли первые единоверческие церкви Каргополья в деревнях Трофимовская и Семеновская. Лидеры единоверия не отвергали возможности таких событий, но опасались не столько политических перемен, сколько всеобщей «лености и равнодушия, когда будет развеяно по ветру то, чем жило старообрядчество»³⁷. Но признать исчезновение единоверия из религиозного ландшафта Европейского Севера современной России было бы ошибочным. В границах Республики Коми восстановлена и действует Никольская церковь Усть-Цильмы. Возрождены храмы в Крестцах Новгородской области и в Пресленихе Архангельской области. Продолжается воссоздание церкви села Немятово на территории Ленинградской области. Во всей полноте церковной жизни развиваются старообрядные приходы РПЦ на территории Петербурга и области в селе Павлово-на-Неве.

Таким образом, православные старообрядцы (единоверцы) были и есть – составная часть религиозного ландшафта Европейского Севера России. Развитие этих сообществ протекало в рамках социально-экономических и общественно-политических тенденций общероссийского уровня, но имело ряд специфических проявлений регионального характера. Как явление демографическое, единоверие на Севере не было массовым. Оно имело последователей в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой и Петербургской губерниях. Места компактного проживания православных старообрядцев были соотносимы с региональными локусами староверия, а также экономически развитыми центрами того времени. Сравнение демографических и профессиональных данных религиозного ландшафта позволяет сделать вывод о полиэтничном составе единоверия на территории Севера России. Это были представители карел (Повенецко-Кемский ареал), коми (Усть-Цилемский локус) и русских. В течение первой половины XIX века единоверческие общины Европейского Севера были единичны и фиксировались преимущественно в городах. Большая часть этих сообществ возникла как следствие адаптации к «стеснительным мерам» властей по отношению к старообрядческому социуму. Объектную идентификацию единоверческих групп региона можно составить на основе культовых построек с учетом динамики их появления в религиозном ландшафте Севера России. Половина единоверческих церквей региона была построена в эпоху либеральных реформ императора Александра II. В большинстве своем появление храмов стало реализацией единоверия как миссионерского проекта РПЦ по «уврачеванию раскола». Храмостроительство осуществлялось на средства Синода и внешних благотворителей. Первое поколение священнослужителей данных церквей представляла категория местных жителей, выходцев из крестьянского сословия,

знатоков древнерусских традиций богослужения и духовного наставничества. Вторым этапом распространения единоверия на Европейском Севере России стал рубеж XIX–XX веков. Это проявилось в хромосозидательной деятельности самих общин как проявление ситуации личностного конфессионального выбора верующих. В исторической ретроспективе существования единоверия на Севере России удалось выявить 38 храмов. Большинство относилось к категории сельских, однопредельных, деревянных, имевших колокольню и приходскую школу. Усилиями прихожан единоверческих церквей были сохранены объекты сакрального наследия старообрядческих скитов и молелен. Сдерживающим фактором к масштабному распространению единоверия на

Европейском Севере России стали не только внешние события XX века, но и специфика самих старообрядческих групп, в которых преобладали не приемлющие священства согласия.

Дальнейшее изучение истории единоверия в религиозном ландшафте Европейского Севера России может осуществляться в нескольких направлениях. В контексте активизации историко-культурного и религиозного туризма региона практическую значимость имеет создание подробных карт, выполненных с помощью ГИС-технологий. Экспедиционная деятельность к сохранившимся объектам сакральной истории будет способствовать их комплексному исследованию и активизировать общественно-научные усилия по спасению религиозного ландшафта Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения: Сб. ст. СПб.: Европейский Дом, 2016. 422 с.
- ² Далее РПЦ.
- ³ «Архангельские епархиальные известия» (далее АЕИ), «Архангельские епархиальные ведомости» (далее АЕВ), «Вологодские епархиальные ведомости» (далее ВЕВ), «Новгородские епархиальные ведомости» (далее НЕВ), «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее ОЕВ).
- ⁴ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО), Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК), Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО), Национальный архив Республики Коми (далее ГУРК НАРК), Государственный архив Новгородской области (далее ГАНО).
- ⁵ Евразийский межнациональный проект «Караван Дружбы».
- ⁶ Луцковская Е. Ф. Дорога в Амбургский скит как средство коммуникации и объект эстетического восприятия // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. СПб.: ГУМРФ им. С. О. Макарова, 2015. С. 176–186.
- ⁷ Сводные данные источников: ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 591; Д. 868. Л. 29; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9461. Л. 22–25, 496, 986; ГАНО. Ф. 480. О. 1. Д. 4013. 423 л.; ГУРК НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 335. 34 л.; Д. 353. Л. 808–829; НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 8/49. 223 л.; Д. 9/14. 290 л.; Д. 12/19. 228 л.; НАРК. Ф. 591. Оп. 1. Д. 1/9. 32 л.; ВЕВ. 1885. № 4. С. 43–44; АЕИ. 1887. № 3. С. 17; № 7. С. 18; АЕВ. 1893. № 19. С. 428; 1894. № 7. С. 144; № 24. С. 397; ВЕВ. 1885. № 4. С. 43–44; 1915. № 5. С. 127–129; 1914. № 8. С. 1921–95; ОЕВ. 1903. № 23. С. 809–813; 1904. № 1. С. 9–14; № 2. С. 48–52; № 3. С. 74–77; 1910. № 12. С. 239–244; № 13. С. 266–270; НЕВ. 1876. № 16. С. 199–317; № 17. С. 329–343; Земля Невская православная: православные храмы пригородов, районов С.-Петербургской и Ленинградской области. СПб.: Лики России, 2006. 312 с.; Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. СПб., 1884. С. 466–467; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. Архангельск, 1895. С. 211–395; Вып. 3. 1896. С. 112–118; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1868. СПб., 1868. С. 183–187; Памятная книжка по С.-Петербургской епархии на 1899 год. СПб., 1899. С. 201–469; Церковно-исторический атлас Вологодской области / Авт.-сост. Н. М. Макдонская. Вологда: Древности Севера, 2007. Т. 1. 256 с.
- ⁸ НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 63/22. Л. 75–120.
- ⁹ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 9/14. Л. 242–246.
- ¹⁰ Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от департамента сельского хозяйства М.Г.И. СПб., 1853. 36 с.
- ¹¹ Храмы России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://temples.ru/card.php?ID=18417> (дата обращения 11.12.2017).
- ¹² ВЕВ. 1914. № 10. С. 192.
- ¹³ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 13/33. Л. 2–33; Оп. 14, Д. 44а/26. Л. 20б.
- ¹⁴ Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) / Сост. иерей Е. Саранча, Н. Кузин. [Переизд.]. Москва: [б. и.], 2012. 565 с.
- ¹⁵ Субботин Н. И. Аркадий, архиепископ Пермский и Петрозаводский и некоторые его сочинения против раскола. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. С. 242, 275.
- ¹⁶ Там же. С. 272.
- ¹⁷ ОЕВ. 1910. № 13. С. 266–268.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 8/49. Д. 35–37.
- ¹⁹ Там же. Л. 20б.
- ²⁰ Субботин Н. И. Аркадий, архиепископ Пермский и Петрозаводский... С. 145.
- ²¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 15/10. Л. 2.
- ²² О преподавании Закона Божия в единоверческой школе // Православный собеседник. 1870. Т. 1. С. 263–266.
- ²³ НАРК. Ф. 25. Оп. 9. Д. 1/12. Л. 4.
- ²⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 8/49. Л. 55об.
- ²⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 20/4. Л. 28об.
- ²⁶ Шлёв С., свящ. Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской Церкви. СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1901. С. 71.
- ²⁷ Жмакин В. И. Начало единоверия // Христианское чтение. 1900. № 12. С. 978–1004; Лебедев Е. Е. Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и приложениями. М., 1904; Легатов И., свящ. О современных нуждах единоверия и о мерах для сближения старообрядцев с Православною Церковью. Архангельск, 1905;

- Митрофан (Абрамов), инок. Единоверие и его значение. Почаев, 1906; Пичугин Л. Ф. О единоверии в русской церкви. (Уния единоверия): Полемика. очерк. М.: Археодоксия, 2009; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки из новейшей истории. М., 1904; Чельцов М., свящ. Единоверие за время столетнего существования его в Русской Церкви, 27 окт. 1800 – 27 окт. 1900 г.: (Очерки из истории единоверия). СПб., 1900.
- ²⁸ Шлеев С., свящ. Единоверие... С. 71.
- ²⁹ ГАНУ. Ф. 480. О. 1. Д. 4013. Л. 30.
- ³⁰ Ведомость о числе лиц, присоединившихся к православию в 1900 г. СПб.: Синодальная типография, 1903. С. 50–51.
- ³¹ Первый Всероссийский единоверческий съезд. СПб., 1912. 96 с.
- ³² Игум. Дамаскин (Орловский), Е. Р. Стрельникова. Варсонофий (Лебедев Василий Павлович) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. VI. С. 673–675.
- ³³ ВЕВ. 1916. № 20. С. 393.
- ³⁴ ВЕВ. 1914. № 10. С. 240.
- ³⁵ ВЕВ. 1903. № 15. С. 445–447.
- ³⁶ ОЕВ. 1914. № 8–9. С. 216.
- ³⁷ Голос церкви. 1918. № 2. С. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазцова Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4. С. 76–82.
2. Гуров М. Б. «Священное место» в сакральной географии: определение границ термина // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4–3 (28). С. 95–110.
3. Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н. Вопросы о единоверии на Поместном соборе православной российской церкви 1917–1918 гг. и Сибирское единоверие // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 29–35.
4. Дронова Т. И. Борьба православной церкви по искоренению староверия в Усть-Цилемской волости в период правления Николая I (1825–1855) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9 (174). С. 14–20.
5. Калущков В. Н. Культурно-ландшафтное районирование Русского Севера: постановка проблемы // Рябининские чтения – 2007. Петрозаводск, 2007. С. 54–57.
6. Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России (от зарождения идеи до начала XX в.). СПб.: Алетей, 2011. 199 с.
7. Костромин К. Есть ли у единоверия свой исторический путь // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 184–186.
8. Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2012. 708 с.
9. Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.
10. Первушин М. В. Единоверие до и после митрополита Платона (XVII–XX вв.) // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. 2012. № 2. С. 120–142.
11. Пивоварова Н. В. Старообрядческие моленные и скиты Новгородской губернии в середине XIX в. По материалам РГИА // Новгородский исторический сборник. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. Т. 12 (22). С. 233–247.
12. Плассина Н. Е. Великопожский скит в период правления Николая I // Известия Коми научного центра УрОРАН. Сыктывкар, 2016. № 2 (26). С. 75–83.
13. Савицкая О. Н., Назарова М. П. Теоретико-методологические проблемы изучения религиозного ландшафта // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 158–162.
14. Саранча Е., св., Миролюбов И., св., Зими́на Н. П. Краткий очерк истории Единоверия. М.: Линия График, 2009. 125 с.
15. Секирин А. А. Миссионерские съезды и миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в борьбе с расколом старообрядчества и сектантством во второй половине XIX века // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 278–298.
16. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. 296 с.
17. Хрушкая Л. Н. Из истории единоверческого прихода в с. Усть-Цильма (сер. XIX – нач. XX в.) // Вторые Мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции: В 2 т. / Отв. ред. Т. Ф. Волкова. Т. 1. Сыктывкар, 2010. С. 218–229.
18. Marsden T. The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855. Oxford, 2015. 304 p.
19. Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester, 2003. 257 p.
20. White J. Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918 // Russian History. 2016. № 43. P. 181–208.

Ruzhinskaya I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EDINOVERIE IN THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

The purpose of this article is to study the history of Edinoverie parishes of the European North of Russia. This example has helped to reveal regional specifics of this belief for the first time. Our study approaches Edinoverie as a religious-historical phenomenon. The evolution of Edinoverie was traced to the time when religious groups practicing this belief experienced high pressure conditioned by the policy of the church and the state of that time. The pressure was also determined by developing internal trends. The specificity of the chosen sources is explained by the methodological approach employed in the study of the texts on the researched problem. The documents of Olonets Ecclesiastical Consistory on Edinoverie parishes are introduced into the scientific circulation for the first time. The published and unpublished array of documents enables the author to reconstruct the religious landscape of

the Russian European North, taking into account the historical experience of Edinoverie parishes. The object identification of the studied religious groups was conducted on the basis of 38 religious structures of Northern Russia. The author has identified two dominant periods of the church buildings' construction by Edinoverie parishioners of the region. One of these periods is the era of liberal reforms introduced by the Emperor Alexander II. It was the time when the Synod of the Church was in the process of implementing an anti-Old Believers project. The second period included a time period between the XIX–XX century. It was the time of manifestation of believers' initiative. Most of the common faith churches in the region belonged to the category of rural, single-pedestal, wooden, bell tower structures with a parish school. The author studied personalities of local parish leaders and revealed that the first generation of Edinoverie clergy came from the community of local peasants. They were well versed in ancient traditions of worship and experienced in spiritual counseling. The objects of sacred heritage of the Old Believers' monasteries and chapels of the European North of Russia were preserved by the parishioners of Edinoverie churches. The author comes to a conclusion that the historical (external) events of the 20th century and the specifics of the Old Believers groups had been deterrent to the large-scale propagation of Edinoverie in the region. Further studies of the history of the Old Believers' parishes of the Orthodox Church are seen as particularly relevant given the revival of Edinoverie, the intensification of religious tourism, and pilgrimage practices in modern Russia.

Key words: the Edinoverie, the Edinoverie' parish, Old Believers, the European North of Russia

REFERENCES

1. Glavatskaya E. M. The religious landscape of the Urals: the phenomenon, the problems of reconstruction, research methods. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2008. No 4. P. 76–82. (In Russ.)
2. Gurov M. B. "Sacred place" in sacred geography: defining the boundaries of the term. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2016. No 4–3 (28). P. 95–110. (In Russ.)
3. Drobotushenko E. V., Lantsova Yu. N. Questions about Edinoverie, the local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918 and Siberian Edinoverie. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2017. No 3. P. 29–35. (In Russ.)
4. Dronova T. I. The struggle of the Orthodox Church for the elimination of old believers in Ust-Tsilma parish in the reign of Nicholas I (1825–1855). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. No 9 (174). P. 14–20. (In Russ.)
5. Kalutskov V. N. Cultural and landscape zoning of The Russian North: problem statement. *Ryabininskie chteniya – 2007*. Petrozavodsk, 2007. P. 54–57. (In Russ.)
6. Kaurkin R. V., Pavlova O. A. Edinoverie in Russia (starting from the idea conception to the beginning of XX century). St. Petersburg, Aletyya Publ., 2011. 199 p. (In Russ.)
7. Kostromin K. Is a common belief a historical path? *Khristianskoe chtenie*. 2012. No 3. P. 184–186. (In Russ.)
8. Kravetskiy A. The Church's mission in an era of change (between preaching and dialogue). Moscow, 2012. 708 p. (In Russ.)
9. Palkin A. S. Edinoverie in the middle of XVIII – early XX century: national context and regional specifics. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2016. 338 p. (In Russ.)
10. Pervushin M. V. Edinoverie before and after Metropolitan Platon (XVII – XX centuries). *Ugreshskiy sbornik. Trudy prepodavateley Nikolo-Ugreshskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 2012. No 2. P. 120–142. (In Russ.)
11. Pivovarov N. V. Old believers melannie and monasteries of Novgorod Province in the mid-nineteenth century On the materials of the RGIA. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. 2011. No 12 (22). P. 233–247. (In Russ.)
12. Plaksina N. E. Velikopolsky skit during the reign of Nicholas I. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrORAN*. 2016. No 2 (26). P. 75–83. (In Russ.)
13. Savitskaya O. N., Nazarova M. P. Theoretical and methodological problems of studying religious landscape. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. No 4. P. 158–162. (In Russ.)
14. Sarancha E., Mirolubov I., Zimina N. P. A short history of Edinoverie. Moscow, Liniya Grafik Publ., 2009. 125 p. (In Russ.)
15. Sekirin A. A. Missionary meetings and missionary activities of the Russian Orthodox Church in the fight against the schism of old believers and sectarianism in the second half of the XIX century. *Khristianskoe chtenie*. 2017. No 3. P. 278–298. (In Russ.)
16. Siberia and the Russian North: problems of migrations and cultural interactions (XVII – beginning of XXI century). Novosibirsk, Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2014. 296 p. (In Russ.)
17. Khrushskaya L. N. From the history of the old rite parish in the village of Ust-tzilma (ser. XIX – beg. XX.). *Vtorye Myandinskies chteniya: Materialy respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: V 2 t. Vol. 1*. Syktyvkar, 2010. P. 218–229. (In Russ.)
18. Marsden T. The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855. Oxford, 2015. 304 p.
19. Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester, 2003. 257 p.
20. White J. Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918. *Russian History*. 2016. No 43. P. 181–208.

Поступила в редакцию 27.12.2017